ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 10.01.2018 | Марк Заксер

Какова стоимость жизни?

Дискуссия о безусловном базовом доходе порождает самые странные инициативы

Читайте эту статью также на немецком языке

Наверное, тема базового дохода волнует людей, как ни одна другая. Однако на практике этот инструмент перераспределения воспринимается с большим недоверием. И все же стоит более активно включиться в полемику о базовом доходе. Ее без преувеличения можно назвать первой большой дискуссией XXI века. Что подразумевается под трудом в мире, заполненном машинами? Как организованы отношения между рынком и государством? Как обеспечивается общественная солидарность в условиях растущего неравенства? Разумная позиция социал-демократии в этих вопросах может поспособствовать более быстрому определению ее роли в эпоху цифрового капитализма. А последнее – непременное условие политического выживания для социал-демократов.

В публичных дебатах о базовом доходе часто упускается из вида, что за этим понятием скрываются самые различные концепции. Если бы базовый доход был призван лишь гарантировать прожиточный минимум, то он стал бы просто-напросто другим названием социальной помощи. А что, если он окажется настолько изобильным, что полностью избавит своих получателей от необходимости самим зарабатывать на жизнь? Такие же серьезные различия характерны для предложений по финансированию. Нужно ли вовлекать в этот процесс небольшие группы, например, обладателей капитала, или же главное бремя должно лечь на налогоплательщиков? Должен ли базовый доход стать дополнительной страховочной сетью в социальном государстве, или же нужно сократить системы солидарного социального страхования для поиска новых источников финансирования? Очевидно, что аргументы за или против в решающей степени зависят от того, что, собственно, подразумевается под таким конструктом, как «базовый доход».

В процессе полемики по

Характерной особенностью полемики по

вопросу о базовом доходе в политическом спектре старого индустриального общества сформировались необычные альянсы

вопросу о базовом доходе является, во-первых, возникновение необычных альянсов во всем политическом спектре старого индустриального общества. Среди сторонников этой идеи можно найти и предпринимателей в сфере цифровых технологий, стремящихся породить потребительский спрос в «мире, избавленном от труда», и марксистов, мечтающих о конце эры «отчужденного труда» и начале эпохи «общества свободного досуга». Неолиберальные борцы с коррупцией, учуявшие в безусловных прямых выплатах шанс на урезание ненавистного им государства социальной опеки, плечом к плечу маршируют с левыми защитниками социального государства, грезящими об освобождении от унизительной процедуры проверки реальных потребностей, способной нанести смертельный удар бюрократии, порожденной моделью Hartz IV. Более оптимистически настроенные утописты расхваливают эмансипационный потенциал базового дохода, в то время как лишенные иллюзий пессимисты видят в нем последнюю возможность гарантирования жизненных потребностей человека в мире машин. Космополиты левых либертарианских убеждений требуют безусловный базовый доход для усиления позиций индивидуума на рынке труда, тогда как коммунитаристы, придерживающиеся консервативных ценностей, рассчитывают при помощи безусловного базового дохода добиться укрепления общественной солидарности.

Среди противников базового дохода немало представителей профсоюзов, которые подозревают в нем «троянского коня», созданного комиссарами по экономии, посягнувшими на окончательное устранение последних остатков государства всеобщего благосостояния. «Лорды-хранители Малой печати» бюджетного баланса в свою очередь усматривают в той же концепции лишь очевидный повод для разрушительного расширения неэффективной модели государственного

перераспределения. Социалисты, отстаивающие идею перераспределения, агитируют как раз против внушающего опасения «гигантского расточительства денег налогоплательщиков», чтобы создать возможность эффективного их использования для других целей. Представление о том, что «усердным трудягам» придется финансировать «ленивых лодырей», равным образом противоречит базовым ценностям и консерваторов с социальной ориентацией, и либеральных «производителей и поставщиков услуг», и знающих себе цену специалистов-рабочих.

Такие странные альянсы, порожденные дискурсом по этому вопросу, выходят за рамки старой схемы «левые – правые». В условиях промышленного капитализма борьба велась прежде всего за распределение материальных благ. При этом «левые», стремившиеся использовать государство для утверждения идеи равенства и справедливости, сталкивались с «правыми», считающими свободу действия рыночных сил идеальным воплощением принципа справедливого вознаграждения по результатам труда. Конкретно спор велся о материальных вещах, например, заработной плате, правах наемных рабочих и социальных выплатах. В условиях неолиберальной гегемонии финансового капитализма такие конфликты вокруг распределения материальных благ почти полностью утихли в пользу конфликтов по вопросу признания иных культур. С этого момента либертарианцы сражались за эмансипацию индивидуума, в то время как авторитаристы отстаивали сохранение традиционных ценностей и иерархических связей. Они спорили о таких культурных вещах, как браки между гомосексуалистами, аборты или запрет на ношение хиджаба.

Собственно, можно было ожидать, что полемика о таком инструменте распределения, как базовый доход, будет вертеться вокруг оси материальных ценностей. Однако в политической дискуссии между сторонниками и противниками этой идеи она вращается вокруг оси признания культурных ценностей. Тем самым она, похоже, полностью вписывается в тенденцию обострения конфликтов культурного характера между космополитами и коммунитаристами, между адептами и скептиками идеи модернизации, или попросту говоря, между Anywheres и Somewheres.

Социал-демократии надлежит как можно скорее определить свою

Полемика о базовом доходе – нечто большее, нежели продолжение культурных боев финансового капитализма. Характерной особенностью первых политических баталий

роль в условиях капитализма цифровых технологий, чтобы обеспечить себе политическое выживание

цифрового капитализма является возобновление споров по вопросам распределения в культурной оболочке. Переплетение культурных и материальных мотивов прослеживается и в других больших дебатах нашего времени, начиная от миграционного кризиса и вплоть до гендерного вопроса или кризиса Европы. В этих конфликтах речь также идет о распределении материальных благ. Но противниками в них отныне слывут не «капиталисты», а «другие». Создается впечатление, что проигравшие при капитализме давно утратили надежду на радикальное изменение системы и ведут борьбу за кусок постоянно уменьшающегося пирога с теми, кто получил культурное определение «иной/чужой». Многое свидетельствует в пользу того, что как раз такое «окультуривание» конфликтов распределительного характера станет определяющей чертой политических дискуссий цифрового капитализма.

От этого в первую очередь выиграют правые популисты, которые ловко владеют клавиатурой политики идентичностей. В отличие от них политические силы левых снова израсходуют себя в старых окопных войнах. Одни видят в обоснованных интересах проигравших в процессе глобализации, касающихся распределения, лишь «латентный расизм и сексизм пожилых белых мужчин». Другие отмахиваются от эмансипационных боев за признание культурных идентичностей как от «постмодернистского отвлечения от исконных интересов рабочего класса». Но подход по принципу или-или – дорога в неверном направлении. Характерной особенностью политической формации цифрового капитализма является как раз то, что вопросы распределения подаются под культурным соусом. Тот, кто этого не понял, утратил способность к участию в дискурсе, зашифрованном в культурной оболочке, а что еще хуже – пытается в авторитарном отношении перещеголять правых популистов. Тот, кто позиционирует себя столь далеко на левом или либертарианском крае политического спектра, не должен удивляться, когда такая позиция почти не находит отклика в политической борьбе. Таким образом, роль социал-демократии заключается в создании прогрессивных проектов, не используя при этом таких аргументов, как справедливость в распределении и

справедливость в признании иных культурных идентичностей. Иными словами: речь не идет о «равенстве» либо об «эмансипации», а о конкретных предложениях, позволяющих соединить обе прогрессивные базовые ценности.

Итак, социал-демократии надлежит как можно скорее определить свою роль в условиях капитализма цифровых технологий, чтобы обеспечить себе политическое выживание. При этом дискуссия о базовом доходе может во многом помочь обрести максимум знаний о новой политической формации. Почему, например, этот инструмент распределения, на который возлагают большие надежды столь много людей, как раз в социал-демократическом окружении наталкивается на резкое неприятие? Многое свидетельствует о том, что речь идет о культурных ценностях. Безусловный базовый доход противоречит ощущению справедливости и идентичности рабочего движения («Труд должен стоить больше, чем безделье»).

Но как раз на примере базового дохода можно наилучшим образом продемонстрировать, как проблематичный инструмент можно превратить в политическую программу, скроенную в соответствии с культурными особенностями социал-демократического уклада жизни. Он, например, вполне совместим с базовыми ценностями рабочего движения, состоящими в вознаграждении всех тех, кто активно вносит свой вклад в общее благо. Именно от этого отталкивается концепция солидарного базового дохода, в которой особым образом вознаграждается вклад каждого в общее благосостояние за рамками обеспечения минимальных жизненных потребностей. Воспитание детей и уход за престарелыми признаются таким же трудом, как и создание культурных ценностей или сохранение памяти.

Конечно же, потребуется много усилий, чтобы убедить в целесообразности признания «работы», которая не соответствует понятию обычных трудовых отношений. Чтобы выжить в мире роботов и алгоритмов, социал-демократии и без того придется обновить свое понятие труда. Таким образом, солидарный базовый доход демонстрирует не только то, как можно создать привлекательную политическую программу, встроив инструмент перераспределения в мир культурных ценностей. Определив новое понятие труда, социал-демократия может также обрести способность к интеграции в политический дискурс цифрового капитализма.

Марк Заксер

Марк Заксер (Marc Saxer) – руководитель офиса Фонда им. Фридриха Эберта по региональному сотрудничеству в Азии. Ранее он возглавлял Азиатско-Тихоокеанский департамент Фонда и представительства в Индии и Таиланде. В 2021 году вышла его книга «*Трансформативный реализм.Преодоление системного кризиса*» (*Transformativer Realismus. Zur Überwindung der Systemkrise*).